

№ 3 (178)
Март

2011

Не в силе Бог, а в правде.

АЛЕКСАНДРО-НЕВСКИЙ ВЪСТНИКЪ

Газета Александро-Невского собора города Барнаула. Печатается по благословению
Преосвященнейшего Максима, епископа Барнаульского и Алтайского

Г. Доре «Возведение Креста»

*Страстная седмица
18-23 апреля*

ПРОПОВЕДЬ

ПРОТОИЕРЕЙ ГЛЕБ КАЛЕДА

СЛОВО НА ПАССИИ

ЦАРСТВО НЕБЕСНОЕ СИЛОЮ БЕРЕТСЯ, и употребляющие усилие восхищают его

Дорогие братья и сестры! К концу приближается Великий пост, и уже скоро мы с вами будем петь «Душеполезную скончавши Четырехдесятницу...» Согласно церковному уставу, в конце поста перед Великим Четвергом, когда мы вспоминаем Тайную Вечерю, страдания и Крестную смерть нашего Спасителя и Господа, положено внимательно перечитать все Евангелия до повествования о Тайной Вечери, чтобы перед нашим мысленным взором прошла вся жизнь Иисуса Христа, истинного Бога и истинного Человека, во всем, кроме греха, подобного нам.

Читая Евангелие, мы часто, — если не сказать обычно, — не задумываемся о том огромном нечеловеческом труде, который совершил Иисус Христос для нашего просвещения и спасения, — а ведь Он был Человек во плоти. Он хотел есть, пить, нуждался в одежде, в отдыхе, сне, страдал, как все люди, от жары и холода, испытывал голод и жажду.

В Иисусе из Назарета неразрывно слито Божественное и человеческое. Эта слитность светится из Евангелия при внимательном чтении и постигается верою. Все попытки убрать из образа Христа Божественное, убрать из Него то, что присуще Второму Лицу Пресвятой Троицы, приводило к разрушению удивительно цельного облика Иисуса Христа, вызывало множество исторических противоречий. Этим занимались Арий, Ренан, Лев Толстой и множество современных нам авторов.

Не говоря уже о научной стороне вопроса, они лишали нас Божественного Откровения и даже надежды на спасение, коль скоро считали Иисуса Христа величайшим пророком

и проповедником. Если Он просто великий пророк, то нам следует ждать иного Спасителя, иного Христа. Так и мусульмане считают Его лишь предшественником Магомета.

Нарушался Его облик, и если признавали в Нем только Единородного Сына Божия и не признавали Человека, лишая нас этим Искупительной Жертвы, а стало быть и спасения. Тогда Тайная вечеря и Голгофа становились призраками. Так поступили монофизиты.

Слава Богу, Святая Православная Церковь сохранила для нас живую апостольскую веру, веру самовидцев Господа, свидетельства Его жизни, проповеди и спасительных страданий, смерти и воскресения, — ту веру, которая жгла сердца людей, двигала их на подвиги, венчала венцами мучеников за Христа.

Господь сказал: «Царство Небесное силою берется, и употребляющие усилие восхищают (то есть достигают) его» (Мф 11:12).

Ради того, чтобы мы могли достигнуть Царствия Небесного, положен огромный труд Господа нашего Иисуса Христа, Сына Человеческого и Сына Божия; а искуплены мы Его Голгофской жертвой, Его страданиями. Его кровь, пролитая на Голгофе, дает нам жизнь вечную, — если, конечно, мы этой жизни хотим.

Огромный труд для нашего врачевания, просвещения и спасения предстает перед нами, когда мы читаем Святое Евангелие.

Родился в пещере во время непогоды. Бедное детство — Пресвятая Дева и Иосиф Обручник смогли принести в храм только двух голубиных птенцов; это — определенная

законом жертва беднейших. Бегство в Египет. Трудовая юность — помогал своему нареченному отцу Иосифу в плотницком ремесле.

И вот, в 30 лет, — выход на проповедь. Иисус красив и строен, — об этом свидетельствует Туринская плащаница. Рост Его примерно 180 сантиметров. Его взгляд был всевидящим; только будучи всемогущим Богом, Он мог видеть всю жизнь Нафанаила или рассказать самарянке о ее пяти мужьях. Его взгляд поражал порою даже привыкших к нему апостолов; апостол Марк часто прибегал к такому обороту: «Он взглянул на них и сказал» (см. Мк 3:5,34; 5:32; 8:33; 10:21, 23). Из глаз Его, насколько мы можем понимать слова Евангелия, исходила сила любви. Этот взгляд мог быть укоряющим и будящим, властным и покоряющим.

Иисус ходил по всей стране Иудейской и Галилейской, посещал Самарию и доходил до стран Тира и Сидона (Мф 15:21), уча в синагогах, на городских площадях, в горах, на берегах озера Галилейского, которое называли морем, в храме Иерусалима. Мы как-то не задумываемся, с каким огромным физическим трудом это было связано.

...Горячая южная страна. По своему опыту могу засвидетельствовать, что, когда в тени 44° С, кажется, что твой организм уже не принадлежит тебе. На камни, раскаленные под лучами солнца до

50-60° и даже до 70° С, нельзя сесть в обычной одежде. Как-то мы шли ущельем среди черных камней, и собака стала подвывать — тропа обжигала ей лапы. Пришлось ее взять на седло. Если попытаешься взять железный предмет, сразу разжимаешь пальцы: жжет.

А представьте себе, что переходя от селения к селению, из города в город, надо подниматься на горы и спускаться с них. Высота гор в Палестине достигает 1 км и более. Много ли это? Высота Воробьевых гор в Москве — 65 метров.

Как-то я проходил небольшой маршрут с молодым парнем. Палило южное солнце, на обнаженных склонах ничего не росло. Путь нам пересекали небольшие овражки, и когда мы вылезли из одного из них, мой молодой спутник, студент, сказал, обессиленный: «Я сейчас умру...» Я ответил ему: «Врешь, не умрешь, пошли дальше».

А у Иисуса Христа это были не единичные маршруты, после которых Его ожидал отдых у какой-нибудь речушки или ручейка, а постоянный труд изо дня в день. После переходов Его ждали встречи и беседы с людьми; больные, слепые, немые, бесноватые и прокаженные жаждали исцеления; с Ним встречались не только друзья, но и явные или скрытые враги, которые старались Его уловить на каждом слове, на каждом поступке, на каждом жесте.

А как хочется, как приятно бывает после утомительного пути лечь на ковер, положив под бок подушку, в тени виноградной беседки или под смоковницей. Сам хозяин дома принесет прохладную воду для омовения, — прежде всего поцарапанных придорожными колючками ног, в которые въелась дорожная пыль.

А фарисей Симон не отдал Ему первого долга ближневосточной вежливости: не дал воды ноги умыть.

В Своих странствиях Иисус Христос защищал себя от палящих лучей солнца обычным белым «сударом» — платком, покрывающим голову и шею. Позднее этот плат апостол Петр нашел во гробе после Воскресения Господня (Ин 20:7).

Его последний переход из Иерихона в Иерусалим — это шесть часов под палящими лучами солнца по

ничем не затененным тропинкам, через нагромождения скал, когда приходилось преодолевать восхождение более чем на 1000 метров. Это требует больших усилий.

У меня однажды половина отряда полегла с тепловыми ударами. Солнечные удары случаются и у вороных лошадей.

Спутниками Христа при Его постоянных путешествиях были голод и жажда. Нередко Он отправлял Своих учеников отдохнуть, а Сам оставался с народом для бесед и проповеди.

Когда ученики Его отдыхали, Он либо ночью, либо «встав весьма рано» удалялся «в пустынное место, и там молился» (Мк 1:35).

Из чтения Евангелия у меня сложилось впечатление, что Христос совершал переходы в наиболее тяжелое время суток, чтобы, когда еще не наступил или уже спал дневной зной, у народа были силы слушать Его.

Если Он был в каком-то селении, то до глубокого вечера к Нему шли в великом множестве больные, немощные, запутавшиеся в своей жизни и жаждущие просвещения люди, а вместе с ними — и коварные враги Его — фарисеи и саддукеи, желавшие погубить Его. Случалось, что в Него бросали камни (Ин 8:59). Его пытались схватить, но до времени Он в критические минуты скрывался — проповедь Его еще не была окончена.

Как писал один из богословов, «слово сталкивалось со словом, дух с духом. Произносились речи в возбуждающем споре, шла опасная словесная борьба и росло напряжение».

Вспомните коварную попытку обвинить Его в политическом, как мы сейчас говорим, — государственном преступлении, когда Ему подали динар с изображением кесаря.

К этому всему прибавлялись утомительные объяснения с собственными учениками с их непониманием Его мессианских задач, их самолюбием и тщеславием. Горячие сыновья Завадеевы, Воанергесы, «сыны грома», как их называли, стали добиваться, чтобы Он посадил их одного по правую, другого по левую Свою руку в Царствии Небесном.

Мы часто вспоминаем предателя Иуду и забываем о тех учениках, которые после проповеди Христа в

Капернаумской синагоге возмутились и «уже не ходили с Ним» (Ин 6:66).

Жизнь Иисуса из Назарета была бедной и бесприютной, наполненной трудом проповедника, странника, целителя болезней телесных, душевных и духовных, — странника, Который говорил о Себе: «Лисицы имеют норы и птицы небесные — гнезда, а Сын Человеческий не имеет, где приклонить голову» (Мф 8:20; Лк 9:58). Он проповедовал и днем и ночью, страха ради иудейского.

Перечитывая перед Великим Четвергом Евангелия, следует осознать этот труд Господа. Это поможет глубже проникнуться пониманием искупающей наши грехи Голгофской жертвы.

Для нашего спасения и назидания трудились Апостолы, святые отцы Церкви, преподобные подвижники благочестия. В их трудах дается разъяснение Священного Писания, из поколения в поколение передается опыт духовной жизни, духовного делания. Чтобы воспользоваться этим богатством духовным, чтобы человек оказался в состоянии стать искупленным кровью Христа, ему необходим труд для восприятия этих даров, ему нужно усилие воли.

И теперь, дорогие братья и сестры, дело за нами! Нужен наш труд, нужны наши усилия в творении Его заповедей. На этом пути с нами будет Его помощь, помощь Пресвятой Девы, усыновившей весь род человеческий в лице апостола Иоанна Богослова, будет помощь наших святых небесных покровителей. Но без наших, хотя бы слабых, усилий, без нашего желания они к нам на помощь не придут, уважая свободу нашей воли.

Нужно усилие нашей воли, чтобы регулярно соблюдать молитвенное правило. Без молитвы нет жизни во Христе. Нужно постоянное внимание к Священному Писанию, к чтению Евангелия. Нужны желание и усилие в борьбе с грехом, та «невидимая брань», о которой писали подвижники, а св. Никодим Святогорец так и назвал свою книгу. Нужны усилия для творения добра ближним, для любви. Нужны усилия для честного выполнения своих обязанностей дома и на рабочих местах.

МИТРОПОЛИТ
АНТОНІЙ СУРОЖСКИЙ

ОБЪ ИСПОВЕДИ

Исповедь настолько важный вопрос, что я хочу на нем остановиться подробнее. Исповедь бывает двоякая: бывает личная, частная, исповедь, когда человек подходит к священнику и открывает в его присутствии свою душу Богу; бывает общая исповедь, когда люди сходятся большой или малой толпой, и священник произносит за всех, включая и себя самого, исповедь.

Я хочу остановиться на частной исповеди и обратить ваше внимание на следующее: человек исповедуется Богу. В поучении, которое священник произносит перед исповедью каждого человека, говорится: «Се чадо, Христос невидимо стоит перед тобою, приемля исповедание твое. Я же только свидетель». И это надо помнить, потому что мы исповедуемся не священнику, и не он является нашим судьей. Я бы сказал больше: даже Христос не является в этот момент нашим Судьей, а является сострадающим нашим Спасителем. Это очень, очень важно.

Когда мы приходим на исповедь, мы находимся в присутствии свидетеля. Но что это за свидетель? Какова его роль? Свидетели бывают различные. Вот случилась авария на дороге. Какой-то человек стоял при дороге и увидел, что случилось. Его спрашивают: «Что произошло?» Ему совершенно все равно, кто прав, кто виноват. Он просто говорит, что он видел своими глазами. Есть другой род свидетеля. На суде один свидетельствует против подсудимого, а другой свидетельствует в его пользу. Так и священник. Он стоит перед Христом и говорит:

— Господи, прими его, потому что он к Тебе пришел в покаянии. Прими его. Если мне его жалко, то, конечно, и Тебе его жалко, даже больше, чем мне. Я его спасти не могу. Я могу с ним чем-то поделиться, в чем-то помочь, но Ты можешь его преобразить.

Есть третий род свидетеля. Во время заключения брака самого близкого человека приглашают быть свидетелем. Им является тот, который в Евангелии назван другом жениха. Можно было бы сказать, что в нашей практике он также и друг невесты. Человек, близкий жениху и невесте, может разделить с ними самым полным образом радость преобразующей встречи, соединяющей чудо. Священник занимает именно такое положение. Он друг жениха. Он друг Христов, который кающегося приводит к жениху — Христу. Он тот, кто так глубоко связан любовью с кающимся, что готов с ним разделить его трагедию и привести ко спасению. Мне вспоминается один подвижник, которого однажды спросили:

— Каким это образом бывает, что каждый человек, который к тебе приходит и рассказывает о своем житье-бытье, даже без чувства покаяния и сожаления, вдруг становится охвачен ужасом перед тем, каким он является грешником? Он начинает каяться, исповедоваться, плакать и меняться.

Этот подвижник сказал замечательную вещь:

— Когда человек ко мне приходит со своим грехом, я этот грех воспринимаю как свой, потому что этот человек и я — едины. И те грехи, которые он совершил действием, я непременно совершил мыслью или желанием, или попользованием. И поэтому я переживаю его исповедь, как свою собственную. Я иду ступенькой за ступенькой в глубины его мрака. Когда я дохожу до самой глубины, я связываю его душу со своей и каюсь всеми силами своей души в грехах, которые он исповедует и которые я признаю за свои. Он тогда становится охвачен моим покаянием и не может не каяться. Он выходит освобожденным, а я по-новому каюсь в своих грехах, потому что мы с ним едины сострадательной любовью.

Это предельный пример того, как священник может подойти к покаянию любого человека. Священник для этого должен научиться сострадать, научиться чувствовать и сознавать себя единым с кающимся. Произнося слова разрешительной молитвы, он предваряет их поучением, что тоже требует честности и внимания.

Иногда бывает, что во время исповеди священнику явно, как бы от Бога, от Духа Святого открывается то, что он должен сказать кающемуся. Ему может показаться, что это не относится к делу, но он должен послушаться этого голоса Божия и произнести эти слова, сказать то, что Бог положил ему на душу, на сердце и на ум. Иногда у священника нет чувства, что его слова — от Бога. У апостола Павла это тоже было. В своих посланиях он не единожды об этом рассказывает: «Это я вам говорю именем Божиим, именем Христовым, а это — я вам говорю от себя. Это не отсебятина, это то, что я познал из своего личного опыта, и я с тобой поделюсь этим опытом, опытом моей греховности, моего покаяния и того, чему меня научили другие люди, которые чище и достойнее меня». А бывает так, что и этого священник не может сказать. Тогда он может сказать то, что он вычитал у святых отцов или вычитал во Священном Писании. Он может тебе это предложить, ты это прими во внимание, задумайся, и, может быть, через эти слова Божественного Писания тебе Бог скажет то, что он не мог сказать.

А иногда честный священник должен сказать следующее:

— Я всей душой болел с тобой во время твоей исповеди, но сказать тебе на нее ничего не могу.

У нас есть пример этого в лице св. Амвросия Оптинского, которому два раза приходили люди и открывали свою душу, свою нужду, и который три дня их держал без ответа. Когда на третий день в обоих случаях (это были различные случаи, они не вместе приходили) к нему пришли за советом, он сказал:

— Что я могу ответить? Три дня я молил Божию Матерь меня просветить и дать мне ответ. Она молчит. Как же я могу говорить без Ее благодати?

В частной, личной, исповеди человек должен придти и свою душу излить. Не смотреть в книжку и не повторять слова других. Он должен поставить перед собой вопрос: если бы я стал перед лицом Христа Спасителя и перед лицом всех людей, которые меня знают,

что бы явилось предметом стыда для меня, что я не мог открыть с готовностью перед всеми, потому что слишком было бы страшно от того, что меня увидят таким, каким я себя вижу? Вот в чем надо исповедоваться. Поставь себе вопрос: если моя жена, мои дети, самый мой близкий друг, мои сослуживцы знали бы обо мне то или другое, было бы мне стыдно или нет? Если стыдно — исповедуй. Если то или другое было бы мне стыдно открыть Богу, Который и без того это знает, но от Которого я стараюсь это спрятать, мне было бы страшно? Было бы страшно. Открой это Богу, потому что в тот момент, когда ты это откроешь, все, что ставится в свет, делается светом. Тогда ты можешь исповедоваться и произносить свою исповедь, а не трафаретную, чужую, пустую, бессмысленную.

Особенно, когда речь идет о детях, надо помнить, что детям нельзя навязывать исповедь, которая не является их исповедью. Им нельзя говорить: «Ты запомни, что ты меня рассердил таким-то образом, что ты поступил неправо таким-то образом, вот покайся в этом». Надо дать ребенку стать перед Богом, как перед другом, и с ним поделиться всей своей жизнью и душой, своей болью о родителях, даже тем, как он ее иногда тяжело переживает.

Коротко скажу об общей исповеди. Общая исповедь может произноситься по-разному. Обыкновенно она произносится так: собирается народ, священник говорит какую-нибудь вступительную проповедь и затем, как по книге, произносит наибольшее число грехов, которое он ожидает услышать от присутствующих. Эти грехи могут быть формальными, например: невычитывание утренних и вечерних молитв, невычитывание канонов, несоблюдение поста. Это все формально. Это неформально в том смысле, что перечисленные грехи могут быть реальными для каких-то людей, может быть, даже для священника. Но это не обязательно реальные грехи данных людей. Реальные грехи бывают иными.

Я вам расскажу, как я провожу общую исповедь. Она у нас происходит четыре раза в году. Перед общей исповедью я произвожу две беседы, которые направлены на понимание того, чем является исповедь, чем является грех, чем является Божия правда, чем является жизнь во Христе. Каждая из этих бесед длится три четверти часа. Все собравшиеся сначала сидят, слушают, затем наступает получасовое молчание, в течение которого каждый должен продумать то, что он слышал; продумать свою греховность; посмотреть на свою душу.

А потом бывает общая исповедь: мы собираемся в середине церкви, я надеваю епитрахиль, перед нами Евангелие, и обыкновенно я читаю покаянный канон Господу Иисусу Христу. Под влиянием этого канона я произношу вслух свою собственную исповедь не о формальностях, а о том, в чем меня попрекает моя совесть, и что открывает передо мной читаемый мной канон. Каждый раз исповедь бывает разная, потому что слова этого канона всякий раз меня обличают по иному, в другом. Я каюсь перед всеми людьми, называю вещи своими именами не для того, чтобы они меня потом упрекали конкретно в том или ином грехе, а чтобы каждый грех был раскрыт перед ними как мой собственный. Если я не чувствую, произнося эту исповедь, что я истинно кающийся, то и это произношу в качестве исповеди. «Прости меня, Господи. Вот я произнес эти слова, но они до моей души не дошли».

Эта исповедь обыкновенно длится три четверти часа, или полчаса, или сорок минут в зависимости от того, что я могу поисповедовать перед людьми. Одновременно со мной люди исповедуются молча, а иногда как бы вслух говорят: «Да, Господи. Прости меня, Господи. И я в этом виноват». Это является моей личной

исповедью, и, к сожалению, я настолько греховен и настолько похож на каждого, находящегося при этом действии, что мои слова раскрывают перед людьми их собственную греховность. После этого мы молимся: читаем часть покаянного канона; читаем молитвы перед Святым Причащением: не все, а избранные, которые относятся к тому, о чем я говорил, и как я исповедовался. Затем все встают на колени, и я произношу общую разрешительную молитву, чтобы каждый, кто считает нужным подойти и отдельно рассказать о том или другом грехе, мог бы это свободно сделать. Я на опыте знаю, что такая исповедь учит людей произносить частную исповедь. Я знаю многих людей, которые мне говорили, что они не знают, с чем придти на исповедь, что они согрешили против множества заповедей Христовых, сделали очень много дурного, но не могут собрать это в покаянную исповедь. А после такой исповеди, общей, люди приходят ко мне и говорят, что они теперь знают, как надо исповедовать свою собственную душу, что они этому научились, опираясь на молитвы Церкви, на покаянный канон, на то, как я сам в их присутствии исповедовал свою душу, и на чувства других людей, которые эту же самую исповедь воспринимали как свою. Поэтому после общей разрешительной молитвы люди, которые считают, что они должны что-то частным образом, отдельно поисповедовать, подходят и исповедуют. Я думаю, что это очень важно: общая исповедь становится уроком того, как исповедоваться лично.

Ко мне иногда приходят люди, которые вычитывают мне длинный список грехов, какие я уже знаю, потому что у меня те же самые списки есть. Я их останавливаю.

— Ты не свои исповедуешь грехи, — говорю я им, — ты исповедуешь грехи, которые можно найти в номоканоне или в молитвенниках. Мне нужна твоя исповедь, вернее, Христу нужно твое личное покаяние, а не общее трафаретное покаяние. Ты не чувствуешь, что ты осужден Богом на вечную муку из-за того, что ты не вычитывал вечерних молитв или не читал канона, или не постился.

Иногда бывает так: человек старается поститься, потом срывается и чувствует, что он осквернил весь свой пост и ничего не остается от его подвига. На самом деле все совершенно не так. Бог иными глазами на него смотрит. Это я могу разъяснить одним примером из своей собственной жизни. Когда я был доктором, то занимался с одной очень бедной русской семьей. Денег я у нее не брал, потому что никаких денег не было. Но как-то в конце Великого поста, в течение которого я постился, если можно так сказать, зверски, т.е. не нарушая никаких уставных правил, меня пригласили на обед. И оказалось, что в течение всего поста они собирали гроши для того, чтобы купить маленького цыпленка и меня угостить. Я на этого цыпленка посмотрел и увидел в нем конец своего постного подвига. Я, конечно, съел кусок цыпленка, я не мог их оскорбить. Я пошел к своему духовному отцу и рассказал ему о том, какое со мной случилось горе, о том, что я в течение всего поста постился, можно сказать, совершенно, а сейчас, на страстной седмице, я съел кусок курицы. Отец Афанасий на меня посмотрел и сказал:

— Знаешь что? Если бы Бог на тебя посмотрел и увидел бы, что у тебя нет никаких грехов и кусочек курицы тебя может осквернить, Он тебя от нее защитил бы. Но Он посмотрел на тебя и увидел, что в тебе столько греховности, что никакая курица тебя еще больше осквернить не может.

Я думаю, что многие из нас могут запомнить этот пример, чтобы не держаться устава слепо, а быть прежде всего честными людьми. Да, я съел кусочек этой курицы, но я его съел для

того, чтобы не огорчить людей. Я ее съел не как скверную какую-то, а как дар человеческой любви. Я помню место в книгах отца Александра Шмемана, где он говорит, что все на свете есть не что иное как Божия любовь. И даже пища, какую

мы вкушаем, является Божественной любовью, которая стала съедобной...

Электронная библиотека
«Митрополит Сурожский Антоний»

ЦЕРКОВНАЯ АЗБУКА

Великая Пятница

**На Кресте пригвоздився,
и копием прободся,
бессмертие источил еси человеком,
Спасе наш.**

*Последование утрени пятницы
Страстной седмицы Великого Поста*

Великая Пятница (Святой или Великий Пяток), пятница Страстной седмицы, один из главных дней церковного календаря, посвященный воспоминанию дня искупительных страданий и Крестной смерти Господа Иисуса Христа.

Богослужение Великой пятницы полностью посвящено воспоминанию событий от окончания Тайной вечери и до погребения Пречистого тела Господа Иисуса Христа.

УТРЕНЯ (12 ЕВАНГЕЛИЙ)

По церковному уставу день начинается с вечера предыдущего дня, поэтому богослужения Страстной пятницы начинаются в четверг вечером.

Согласно письменным памятникам IV века, богослужение в Иерусалиме совершалось в течение всей ночи с четверга на пятницу. Процессия верующих во главе с епископом последовательно обходила все места, связанные с арестом, судом, крестной смертью и погребением Христа, и на каждом из этих мест читался соответствующий отрывок из Евангелий. Это богослужение оказало влияние на формирование современного последования утрени. В соответствии с Типиконом утренняя должна начинаться во втором часу ночи (то есть около

20-00). В современной приходской практике утренняя Великой пятницы повсеместно совершается вечером в четверг. В Типиконе утренняя Великой пятницы называется «Последование святых и спасительных страстей Господа нашего Иисуса Христа», в народной традиции это богослужение именуется «Двенадцатью Евангелиями» (по количеству евангельских чтений). В них подробно повествуется о страданиях и смерти Спасителя, начиная с Его прощальной беседы с учениками Тайной Вечери и заканчивая Его погребением.

Во время евангельских чтений верующие стоят с зажжёнными свечами.

Чтение страстных Евангелий сопровождается пением хора: «Слава долготерпению Твоему, Господи».

ЦАРСКИЕ ЧАСЫ

Утром в Великую Пятницу литургия не полагается. Согласно Типикону, около второго часа дня (то есть в 8-00 по современному исчислению) совершается особенное последование Царских (Великих) Часов (подобное богослужение, помимо Великой пятницы, бывает только в навечерия (сочельники) Рождества Христова и Богоявления) — соединённых первого, третьего, шестого и девятого часов. Главным отличием Великих часов от обычных является чтение на каждом часе паремии, Апостола и Евангелия. Наименование часов царскими — исключительно русское и связано с тем, что московские цари обязательно участвовали в этом богослужении.

ВЕЛИКАЯ ВЕЧЕРНЯ («ВЫНОС ПЛАЩАНИЦЫ»)

Согласно Типикону великая вечерня, завершающая цикл богослужений Великой Пятницы, приурочена к девятому часу дня (то есть около 15-00) — часу смерти Спасителя.

«Был час третий, и распяли Его, — повествует Святое Евангелие — И была надпись вины Его: Царь Иудейский» (Мк., гл.15, 25-26).

«Около шестого часа сделалась тьма по всей земле до часа девятого: и

померкло солнце, и завеса в храме раздралась по средине. Иисус, возгласив громким голосом, сказал: Отче! В руки Твои предаю дух Мой. И, сие сказав, испустил дух» (Лк., гл.23, 44-46).

До начала вечерни на святом престоле полагается Плащаница на евангельское место. Плащаница представляет собой плат с изображением умершего Христа и символизирует ту плащаницу, в которую Господь был обёрнут при снятии с Креста и положении во Гроб.

При пении тропаря Великой субботы «Благообразный Иосиф, с древа снем Пречистое Тело Твое, плащаницею чистою обвив, и вонями во гробе нове покрыв положи» открываются Царские врата, и священник, совершив три земных поклона, поднимает плащаницу с престола и через северные врата выносит её на середину храма и полагает на приготовленной «гробнице». Затем после троекратного каждения вокруг Плащаницы, священнослужители совершают поклонение и целование плащаницы. Хотя чин изнесения плащаницы и отсутствует даже в современном Типиконе, это последование является сейчас общепринятым, и даже сама великая вечерня в народной традиции называется «Выносом плащаницы».

После вечерни совершается малое повечерие, на котором поётся Канон о распятии Господни. Затем после отпуста к поклонению и целованию плащаницы подходят прихожане. Плащаница находится в центре храма три неполных дня, напоминая верующим трехдневное нахождение во гробе Иисуса Христа.

В Великую Пятницу не положено совершать Божественную литургию, во время которой хлеб и вино прелагаются в Пречистые Тело и Кровь Христовы, ибо Голгофская жертва была принесена в этот день Самим Христом. По уставу верующие в течение Великой Пятницы воздерживаются от принятия пищи. Богослужение Великой пятницы, хоть и проникнуто скорбью по смерти Спасителя, но уже готовит верующих к предстоящей Пасхе

По страницам
библейских энциклопедий

Епископ Каллист Уэр (род. в 1934г.), преподает в университете Оксфорда и возглавляет там православный приход Константинопольского патриархата.

КАЛЛИСТ (УЭР), ЕПИСКОП ДИОКЛИЙСКИЙ

СТРАННАЯ И ВСЕ ЖЕ БЛИЗКАЯ: МОЙ ПУТЬ В ПРАВОСЛАВНУЮ ЦЕРКОВЬ

Окончание. Начало №2, 2011 г.

ПРЕДАНИЕ, МУЧЕНИЧЕСТВО, БЕЗМОЛВИЕ

По мере углубления в Православие меня особенно привлекли, больше скажу, поразили, три вещи. Во-первых, я увидел, что в современном Православии, при всех внутренних трудностях и человеческих слабостях, продолжает жить подлинная, неискаженная Церковь апостолов и мучеников, Отцов и Вселенских Соборов. Эту живую преемственность можно назвать «полнотой» и «целостностью» или, что еще точнее, — «Преданием». Православие обладает — не по человеческим заслугам, но по благодати Божьей — полнотой веры и духовной жизни, полнотой, в которой элементы догматики и молитвы, богословия и духовного делания составляют органическое целое. В этом смысле Православная Церковь — Церковь Священного Предания.

Особенно поразило меня, что православные мыслители, называя свою Церковь «Церковью Священного Предания», вместе с тем утверждают, что Предание не статично, но динамично, носит не апологетический, но исследовательский характер, не только обращено к прошлому, но открыто будущему. Постепенно я узнавал, что Предание — не просто формальное повторение идей прошлого, но всякий раз заново переживаемое христианское благовестие. Истинное — живое и творческое — Предание строится на единстве человеческой свободы и благодати Духа. Точнее всех о его динамичности

сказал, как мне кажется, Владимир Лосский: — Предание... это жизнь Святого Духа в Церкви». «Можно сказать, — продолжает он, — что в «Предании» выразился критический дух Церкви». Потому просто так, «по инерции», следовать Преданию нельзя.

Со временем я стал понимать, что Предание как жизнь Святого Духа в Церкви — всеобъемлюще и всеохватно. В частности, оно включает Библию, Священное Писание, так что разрыва между Писанием и Преданием нет. Писание существует внутри Предания, а значит, только благодаря ему Церковь в каждом поколении верующих может понимать Слово и жить им. Так я научился видеть Православную Церковь не только как «традиционную», но и как библейскую. Не случайно в каждом храме Евангелие кладут в алтаре на середину Святого Престола. Ибо подлинные «евангельские христиане» — это православные, а не протестанты. (Если бы только мы на самом деле изучали Библию так же ревностно, как они!)

Динамичное, живое представление о Предании, которое я нашел в Православной Церкви, со временем становилось для меня все более значимым и ценным. Я все яснее видел, что живая связь, о которой свидетельствовало Православие, отсутствовала в родной для меня Англиканской Церкви. На латинском Западе эта связь была ослаблена или даже разорвана еще в Средние века.

Я всегда считал свой переход в Православие наиболее

полным осуществлением всего лучшего, что дал мне духовный опыт англиканства.

Для спасения мне необходимо принадлежать к Церкви, которая твердо и непоколебимо придерживается основополагающего христианского учения о Троице и Личности Христа. Но где мне найти такую общину? К сожалению, англиканская Церковь ею быть не может. В ней нет той преемственности и полноты живого Предания, которые я искал.

Убежденность в том, что только в Православной Церкви можно найти полноту и неповрежденную преемственность от Церкви апостолов и Отцов, укреплялась по мере открытия еще двух измерений Православия. Во-первых, я узнавал о гонениях и мучениках Церкви нового времени, претерпевших от турок, а затем, уже в XX веке, — от коммунистов. Это напрямую связывало современное Православие с до-константиновской Церковью первых трех столетий. «Сила Моя совершается в немощи» (2 Кор 12, 9). Я увидел, как со времен падения Византии в истории Церкви снова и снова исполняются эти слова.

А рядом с теми, кто явно и зримо свидетельствовал о своем исповедании кровью, я увидел бесчисленное множество других, следовавших за убиенным Христом по пути внутреннего мученичества — кенотических святых, явивших кротость, великодушие и сострадательную любовь — Ксению Петербургскую, Иоанна Кронштадтского, Нектария Эгинского. Вот оно, то самоотверженное сострадание, которое встречал я в романах Достоевского и Толстого. Особенно близки (тем более, что с семнадцати лет я был пацифистом) мне стали святые страстотерпцы, братья Борис и Глеб, княжившие в Киеве в XI веке. Их отказ от кровопролития и насилия даже ради самозащиты, их невинное страдание стало для меня благой вестью о Кресте Христовом.

А во-вторых, я все глубже понимал ценность мистического богословия христианского Востока. Предание — это передача не только догматических формулировок, но и духовного опыта. Они нераздельны и тем более не противоречат друг другу; как справедливо утверждает Владимир Лосский, «нет христианской мистики без богословия и, что существеннее, нет богословия без мистики», ибо «мистика рассматривается в данном случае как совершенство, как вершина всякого богословия, как богословие *par excellence*».

И если впервые Православие открылось мне в символах и песнопениях Литургии, то теперь я видел, как «образные» формы богослужения уравниваются на христианском Востоке «безобразностью», апофатичностью практики исихастской молитвы, «совлечения» образов и мыслей.

Три упомянутые черты — Предание, мученичество и безмолвие — вполне убедили меня в истинности Православия. Однако слова, услышанные на летнем съезде Содружества св. Албания и преп. Сергия в августе 1956 г., пробудили во мне непреодолимое желание не только созерцать Православие извне, но и войти вовнутрь. Когда о. Льва Жилле попросили определить, что такое Православие, он ответил: «Православный — это тот, кто принимает апостольское Предание и находится в общении с епископами, поставленными учить Преданию».

Вторая часть этого определения оказалась для меня особенно важной. В самом деле, оставаясь англиканином, я был вправе держаться апостольского православного Предания по своему разумению. Но, положив руку на сердце, мог ли я ска-

зать, что англиканский епископат, с которым я пребывал в общении, единодушно учит этому Преданию? Я внезапно осознал, что Православие не может быть делом личной веры; оно предполагает внешнее и видимое общение в таинствах с епископами, поставленными Богом свидетельствовать об истине. И передо мной со всей неумолимостью вставал вопрос: если Православие — это общение, могу ли я быть подлинно православным, пока остаюсь англиканином?

Простые слова о. Льва не произвели особого впечатления на участников съезда, но в моей жизни они знаменовали подлинный поворот. С тех пор я не переставал думать о том, что Православие неотделимо от евхаристического общения, и вскоре нашел два подтверждения дорогой для меня мысли в книгах, которые тогда читал. Первым подтверждением стала переписка между Алексеем Хомяковым и англиканином (в тот период) Уильямом Палмером из оксфордского колледжа св. Магдалины. Палмер послал Хомякову экземпляр своей книги «Согласование англиканского учения с учением католической, апостольской восточной Церкви», где пункт за пунктом излагал «Пространный Катехизис» митр. Филарета Московского, и рядом приводил схожие тезисы из англиканских вероучительных источников. В ответе от 28 ноября 1846 г. Хомяков писал, что он может составить целый том из других высказываний англиканских авторов, не менее авторитетных, чем те, кого цитирует Палмер, но исповедующих взгляды, прямо противоположные «Катехизису» Филарета:

«Многие из ваших богословов были прежде и теперь совершенно православны; но что из этого? Их убеждения — личные мнения, а не вера Церкви. Ушер — почти совершенный кальвинист; но и он, однако, не менее тех епископов, которые выражают православные убеждения, принадлежит к Англиканской Церкви. Мы сочувствуем, мы должны сочувствовать частным лицам, но Церкви, которая допускает к причастию без различия как того, кто открыто объявляет, что хлеб и вино, употребляемые для великой жертвы, остаются вином и хлебом, так и того, кто признает их за тело и кровь Спасителя, — такой Церкви мы не можем, не смеем сочувствовать. Пойду далее — предположу несбыточное, именно: что все англиканцы без исключения стали вполне православны, приняли и Символ, и верования, совершенно сходные с нашими, но они дошли до такой веры средствами и путями чисто протестантскими, то есть: они приняли ее как логический вывод. Если бы вы и обрели всю истину, то все-таки вы еще ничем бы не обладали, ибо мы одни можем дать вам то, без чего все прочее тщетно, именно уверенность в истине».

Суровые, но справедливые слова Хомякова подтверждали сказанное о. Львом. Во время я уже полностью принимал православное учение, но «средства и пути», которыми я пришел к этому, действительно были «чисто протестантскими». Моя вера была только «личным мнением», а не «верой Церкви», потому что я не мог сказать, что все мои братья-англикане веруют так же, как я, или что вера, которой учат англиканские епископы, с каковыми я нахожусь в общении, была моей верой. Только став полноценным членом Православной Церкви — войдя во всецелое и видимое общение с епископами, поставленными быть учителями веры, — мог я достичь «уверенности в истине».

Несколько месяцев спустя я прочитал в рукописи

статью американского грека о. Иоанна Романидиса об экклезиологии св. Игнатия Антиохийского. Здесь впервые мне встретилось развернутое изложение «евхаристической экклезиологии», которую впоследствии развили о. Николай Афанасьев и митрополит Пергамский Иоанн (Зизиулас). Мне сразу показалось убедительным предложенное о. Иоанном толкование посланий св. Игнатия, а после чтения самих посланий я окончательно уверился в его правоте.

Я словно воочию увидел нарисованную св. Игнатием картину Церкви: престол, на нем хлеб и вино; вокруг престола — епископ с пресвитерами, диаконами и весь святой народ Божий, объединенный в священном действе Евхаристии. «Старайтесь иметь одну евхаристию, — увещевает св. Игнатий. — Ибо одна плоть Господа нашего Иисуса Христа и одна чаша в единение Крови Его, один жертвенник, как и один епископ...» «Это поразительный ход — нарочитое повторение слова «один»: «одна плоть... одна чаша... один жертвенник... один епископ». Таково Игнатиево понимание Церкви и ее единства: Церковь поместна, это собрание всех верных в одном месте (epi to auto); Церковь евхаристична, а значит, все верные собираются вокруг одного жертвенника, чтобы разделить один хлеб и единую чашу; наконец, Церковь иерархична, это не любая евхаристическая общность, но лишь та, которая признает главенство одного местного архиерея.

Единство Церкви, по Игнатию, — это не отвлеченный идеал, но практическая реальность, которую образует и делает видимой участие поместной общины в святых таинствах. Хотя епископ занимает здесь центральное место, единство нельзя рассматривать как нечто, приходящее извне, в силу юрисдикции; оно создается только изнутри, в акте евхаристического общения. Церковь — прежде всего евхаристический организм, который становится самим собой в совершении таинства вечери Господней «доколе Он придет» (1 Кор 11, 26). Св. Игнатий в интерпретации о. Иоанна Романидиса снабдил меня недостающим и столь необходимым связующим звеном. Хомяков говорил об органическом единстве Церкви, но не связывал его с Евхаристией. Как только я осознал эту неразрывную связь между церковным единством и общением в таинствах, все стало на свои места.

Но где же мое место, если по-прежнему, будучи человеком «внешним», я не могу участвовать в таинствах Православной Церкви? В Пасху 1957 г. я впервые побывал на православной пасхальной заутрене. Я собирался причаститься утром в англиканской церкви (в тот год Пасха по православному и

западному календарю совпала), но после православной праздничной службы мне стало ясно, что это невозможно. Я уже встретил Христово Воскресение с Православной Церковью, встретил в полноте радости, неповторимо. Приобщиться после этого святых Тайн в другом месте означало для меня погрешить против истины, сфальшивить.

После той ночи я уже больше не причащался в Англиканской Церкви. Проведя несколько месяцев без Причастия, в сентябре 1957 г. я поговорил с Мадлен, женой Владимира Лосского. Она объяснила мне, насколько опасно пребывать на ничейной земле. «Так больше не может продолжаться, —

убеждала она. — Евхаристия — наша таинственная пища: без нее вы погибнете».

Через несколько дней ее слова получили неожиданное подтверждение. Со мной произошло нечто странное, чего я до сих пор до конца понять не могу. Я пошел в храм в Версале, где тогда служил глава Русской Зарубежной Церкви архиепископ Иоанн (Максимович), ныне причисленный к святым. Он имел обыкновение служить ежедневно, и поскольку это был будний день, на Литургии присутствовали всего несколько человек: один или два монаха и пожилая женщина. Я вошел в храм почти в конце богослужения, незадолго перед выходом священника со Святыми Дарами. К причастию не подошел никто, но он продолжал стоять с чашей в руке и, склонив голову набок в характерной для него манере, пристально и даже как-то грозно смотрел в мою сторону (раньше он меня

никогда не видел). Лишь когда я отрицательно покачал головой, он ушел в алтарь.

После литургии был молебен святому дню; по окончании молебна владыка помазывал присутствующих елеем из лампады перед иконой святого. Я оставался на своем месте, не зная, могу ли, будучи неправославным, подойти к помазанию. Но в этот раз он проявил настойчивость и властным жестом подозвал меня. Я подошел, принял помазание, и тут же вышел, не решившись остаться, чтобы поговорить с ним (впоследствии мы не раз встречались и беседовали).

Я очень удивился столь странному поведению св. Иоанна во время причащения. Мне было известно, что практика Русской Зарубежной Церкви требует обязательной исповеди перед Причастием. Несомненно, владыка должен был знать всех, кто приступает к Чаше. Да и в любом случае причастник, по крайней мере, в Русской Церкви — не мог прийти на службу так поздно. Но владыка обладал даром читать в сердцах. Не намекал ли он, что я стою на пороге Православия и больше не следует откладывать вход?

Как бы ни было на самом деле, но случившееся в Версале укрепило мою решимость. Если православие есть единственная истинная Церковь и если Церковь есть общение в таинствах, значит, прежде всего я должен приступить к таинствам.

НЕ СМОТРИТЕ НА ВИДИМОЕ...

Но оставалось еще одно сомнение. Если православие в самом деле — единственная истинная Христова Церковь на земле, то почему, спрашивал я себя, православная община на Западе кажется этнически и национально ограниченной? Почему она так мало заинтересована в миссионерском свидетельстве, раздроблена на «юрисдикции», к тому же нередко враждующие между собой?

Мне казалось, что между православным вероучительными положениями и практикой церковной жизни пролегает непреодолимая пропасть. Если православные действительно верят, что они составляют единственную истинную Церковь, то почему они полагают столько препятствий на пути потенциальных новообращенных? В каком смысле Православная Церковь «одна», если в Северной Америке, например, существует, по меньшей мере, девятнадцать различных православных «юрисдикций», а в одном только Нью-Йорке насчитывается не менее тринадцати епископов? Некоторые из моих англиканских друзей говорили, что Православная Церковь «едина» не более, а в некоторых отношениях даже менее, чем Англиканская, так что я меняю шило на мыло.

И здесь мне снова помогли слова Владимира Лосского: «Разве многие узнали Сына Божия в «муже скорбей»? Нужно иметь очи, чтобы видеть, и чувства, раскрытые навстречу Духу Святому, чтобы узнавать полноту там, где внешнее око видит одну ограниченность и недостаточность. (...) Чтобы суметь распознать победу под видимостью поражения, силу Божию, в немощи совершающуюся, истинную Церковь в исторической реальности, нужно, по слову апостола Павла, принять «не духа мира сего, а Духа от Бога, дабы знать дарованное нам от Бога» (1 Кор 2, 12)».

Глядя на эмпирическую реальность современного западного Православия, я видел явные «промахи», «недостатки», да и сами православные не отрицали этого. Но всматриваясь вглубь, за всеми немощами можно было увидеть также «истинную Церковь в ее исторической реальности». Этническая узость и нетерпимость Православия, пусть даже столь глубоко укорененные в нем, все равно не определяют сущности Церкви; это искажение, подмена ее подлинной природы (хотя в православном патриотизме есть, конечно, немало достойного). Что же касается множества православных юрисдикций на Западе, на то были особые исторические причины, и наиболее пронизательные православные мыслители всегда видели в этом многообразии временное, преходящее, хотя и «промыслительное устройство». Кроме того, существует очевидная разница между делениями в Англиканской Церкви и внутри Православия. Англикане по большей части едины во внешней организации, но принципиально отличаются друг от друга вероучением и богослужебными практиками. Православные же, напротив, принадлежат к разным юрисдикциям, непреложно едины в богослужении и вере.

И вот, в то самое время, когда меня раздирали сомнения, я получаю замечательное письмо от английского православного священника, жившего тогда в Индии, архимандрита

Лазаря (Моора). Владыка Лазарь размышлял в нем о Православной Церкви:

«Я с болью в душе хотел бы предупредить Вас, что внешний вид ее [т. е. Православной Церкви] отчаянно жалок: нет почти никакого сотрудничества между национальными Церквями, мало ценится и используется наше духовное богатство, еле теплится миссионерский и апостольский дух, мало внимания к современности и нуждам нашего времени, трудно найти великодушные, героизм или действительную святость. Но мой Вам совет: не смотрите на видимое...»

Я старался следовать совету о. Лазаря. Невзирая на внешние и видимые недостатки Православия, я верил в «невидимое» (2 Кор 4, 18) — в его принципиальное единство и целостность вероучительного, литургического и духовного Предания.

О. Лазарь предупреждал, что в Православной Церкви «трудно найти великодушные, героизм или действительную святость». Теперь, после более чем сорокалетнего пребывания в ней, я могу сказать, что он был слишком критичен. Несомненно, мне везло гораздо больше, чем я того заслуживаю, но почти везде я находил в Православной Церкви искреннюю дружбу и сострадательную любовь, а кроме того, мне посчастливилось встречать живых святых. Все грозные предупреждения об отрыве в случае перехода в Православие от родного народа и культуры оказались напрасными. Я убежден, что в Православии я стал не менее, но даже более англичанином, ибо заново открыл древние истоки своей культуры, чья христианская история начинается задолго до разделения Церквей. Вспоминаю, как вскоре после моего перехода я беседовал с двумя греками. «Как же, наверное, тебе тяжело расставаться с Церковью твоих отцов», — заметил один из них. На что другой возразил: «Но ты не покинул Церковь отцов, наоборот, ты вернулся в нее». Он был прав.

Стоит ли говорить, что моя жизнь в лоне Православия далеко не всегда была «небом на земле». Нередко я впадал в глубокое уныние. Но разве Сам Иисус Христос не говорил, что быть Его учеником — значит нести крест? И тем не менее сорок лет спустя я снова от чистого сердца повторю: мое переживание Православия на той, первой в жизни, всенощной 1952 года было верным и истинным. С тех пор я не разочаровался.

Позволю себе лишь одну оговорку. Конечно, я не мог понять этого в 1952 году, но сегодня все яснее вижу исключительно таинственный и вместе с тем парадоксальный характер Православия. Сущность этого парадокса в XX веке вернее всего определил о. Лев Жилле, выходец из западного мира, избравший для себя трудный путь Православия:

«О странная Православная Церковь, столь бедная и столь слабая... чудом прошедшая сквозь все множество превратностей и тягот; Церковь противоположностей, столь традиционная и в то же время такая свободная, столь архаичная и, однако, живая, столь обрядовая и вместе с тем так глубоко лично-мистическая; Церковь, где так бережно хранится бесценная евангельская жемчужина, хотя и нередко под слоем пыли... Церковь, о которой так часто говорили, что она не способна к действию, и которая тем не мене, как никакая другая, умеет воспевать пасхальную радость!»

По страницам книги
«ВНУТРЕННЕЕ ЦАРСТВО»

Сегодня в нашей традиционной рубрике "Кухня поста" мы предлагаем нашим маленьким читателям попробовать, сначала с помощью мамы, а затем и самим приготовить постные блюда.

Несмотря на простоту и доступность рецептов, все эти блюда очень вкусны и полезны и понравятся не только детям, но и всей семье.

Хворост

Состав: 1 ст. минеральной воды, 450 г муки, 1 ч. ложка сахара, 0,5 ст. сахарной пудры, 400 г растительного масла.

Налейте в кастрюлю минеральную или сладкую газированную воду, всыпьте муку и сахар, замесите крутое тесто.

Раскатайте тесто очень тонким слоем, нарежьте прямоугольники, в середине каждого сделайте продольный разрез и через него протяните, вывернув, один конец.

Хворост надо жарить в большом количестве растительного масла, во фритюре.

Когда хворост станет коричневого цвета, осторожно выньте его из масла шумовкой, выложите на блюдо и посыпьте сахарной пудрой.

Картофельные оладьи

На 500 г картофеля: 1/2 стакана муки, 25 г дрожжей, растительное масло, половина стакана воды.

Очищенный сырой картофель натрите на терке, положите в кастрюлю, влейте разведенные в четверти стакана теплой воды дрожжи, немного воды, посолите, добавьте муку.

Все хорошо размешайте и поместите в теплое место.

Выпекайте оладьи на сильно разогретой с маслом сковородке, подавать горячими.

По страницам книги «Детский пост: лучшие рецепты детского постного стола»

ГОТОВИМСЯ К ПРАЗДНИКУ

Как приятно в Светлый праздник Воскресения Христова дарить близким подарки, сделанные своими руками.

Мы предлагаем нашим читателям в семейном кругу, изготовить незатейливую пасхальную открытку.

Для работы необходимо: цветной картон, цветная бумага, клей, ножницы, цветные карандаши или фломастеры.

Красный картон размером 20x20 см. сгибаем пополам.

На желтую бумагу с помощью копирки переносим рисунок аппликации, обратив внимание, что середина рисунка отмечена пунктирной линией. Затем вырезаем аппликацию, не забыв удалить места, отмеченные серым цветом. Прорись готова.

Теперь клеим ее на заготовку открытки.

Цвет картона и бумаги, а также рисунок аппликации вы можете менять по своему желанию.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПОВЕСТВОВАНИЕ

Валентин Зайцев

В Сан-Франциско ещё вчера, а в Тобольске уже завтра

Продолжение. Начало №№ 10 - 12, 2010 г., № 1-2, 2011 г.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

И была деревня: «Барнаульский завод»

6

Надвигалась ночь. На случай, если телеуты надумают погнаться, съехали с дороги далеко в степь. Там и прошла беспокойная ночь, в течение которой Дуня до утра билась и кричала. Так что телеуты, если бы захотели, легко нашли повозки. А Порфирий с Глафирой Никитичной так и не прикорнули даже.

Наконец-то алое солнце мирно всплыло между краем степи и длинной тучей. Тонкий, верхний слой её заблестел, подобно серебру, текущему по лотку из плавильной печи. Вычитали утреннее молитвенное правило, Псалтирь, Евангелие, позавтракали сушёным мясом и с молитвой — «Царю Небесный», дальше в путь.

В стороне мирно паслась отара. По одежде пастуха было понятно: телеут. Но Порфирий увидел опасность в другом: где овцы, там и волки. Посоветовал посматривать за степью. Глафира Никитична предложила зарядить ружья, что и было сделано... Дороги разошлись, потом ещё раз разошлись. Путники было затосковали: правильно ли едут, как вдруг впереди на горизонте показались вершныи. Порфирий обрадовался: будет у кого поспрашивать дорогу. Конники быстро приближались. Когда до них оставалось с полверсты, стало видно, что их четверо. А ещё ближе — увидели, что едут на серых, великолепных дончаках. Лошади-то великолепные и люди в хороших одеждах, а вот сидеть в седлах не умеют, скачут, как козлы. Порфирий сразу определил в них беглых каторжан.

— Что будем делать, матушка? Она испуганно затормозила его:

— Давай назад!.. Скорее, скорее назад! Скорее же вон пойдём...

— Да куда воротить? Они же вершныи. Лошади под ними вон какие... Да и куда назад?.. Давай, я — «Живый в по-

мощи...», а вы просите заступничества у Иоанна Тобольского. — И будто бурный ручеёк зажурчал над первой повозкой.

«Что будет? Что будет?» — слышалось среди просьб к Иоанну.

— Не отвлекайтесь, — повелительно проговорил Порфирий, закончив псалом, он и сам кинулся с просьбами к Святителю.

Вершныи всё ближе, а молитвы и просьбы всё тише. Вершныи остановились. Глядели в сторону приближающихся повозок. «Опасаются, — сказал Порфирий. — Им же не видно, кто едет в кибитках и сколько». Он ещё что-то хотел сказать и замер: один из встречных отделился и, проехав немного вперёд, поставил коня поперёк дороги. Порфирий обернулся к Глафире Никитичне с беспомощным взглядом. Женщина сидела ни жива, ни мертва. Порфирий потянулся вовнутрь кибитки и прикрыл ружья травой. На немой вопрос хозяйки пояснил: «Не помогут. У них за плечами своих по ружью. А вы, должно быть, и стрелять не умеете». — «По людям?.. Где ж?..» — «Я тоже по людям не смогу. Да и как бы не озлобить их ружьями-то? Отдадимся на волю архиерея... Его молитвы, должно, сильны перед Богом. — Порфирий неистово закрестился, взывая: — Митрополит Тобольский и Всея Сибири Иоанн, попроси у Господа защиты от лихих людей!.. Матушка, а вы чего?» Глафира Никитична тоже часто-часто закрестилась, но сумела лишь произнести непослушными губами: «Спа-си... М-максимович!»

Между тем повозки неотвратимо приближались к каторжанину. А так как он стоял поперёк дороги, то кони, везущие кибитки, сами остановились перед ним. Поджидавший бандит, а что бандит теперь уже хорошо было видно по лицу его, совсем не грозно, а почти дружелюбно спросил:

— Дозвольте поинтересоваться: что везём и куда?

— Дружелюбие никак не вязалось с его лицом, заросшим чёрными, взлохмаченными волосьями, из-под которых торчал кривой нос. Более характерного бандитского лица не придумать.

— Так это... сумасшедшую, значит, везём, — ответил Порфирий на удивление простецки и невозмутимо. — В Тобольске, значит, это на могиле архиерея Иоанна вроде, тово, исцеляют. А везём-то, сами себя, значит, везём. А там, — показал он рукой на заднюю подводу, — бочка старая, пустая. Ни воды, ни еды...

Вершний поднял задний полог передней кибитки. Связанная Дуня смотрела на него безумными глазами, да как вдруг закричит: «Уберите разбойника. Он сегодня ночью зарезал безвинных детей!» Вершний вздрогнул, опустил полог. Развернул коня в сторону Глафиры Никитичны.

— Ночь была бурная. Крепко погуляли. Не найдётся ли, барыня, на опохмелку?

Глафира Никитична трясущимися пальцами достала рубль, протянула.

Вершний взял, поклонился и, опустив монету в карман, вернулся к своим. Некоторое время они о чём-то переговаривались, поглядывая в сторону кибитки. Поддали каблуками в бока лошадей, и, как вихрь, промчались мимо.

— Пронесло, уф!.. Слава тебе, Всевышний! — переkreстился Порфирий.

— А я-то, трусиха, аж взмокла вся от страха. И ты, гляжу, ни жив, ни мёртв.

— Одному-то мне всё бы нипочём. Научился с таким народцем обращаться. А вот за вас... Благодарим тебя архиерей Иоанн Тобольский за скорую защиту. Помолимся. — Он спрыгнул с кибитки и, крестясь, принялся класть земные поклоны... Так же, с поклонами молилась рядом и Глафира Никитична.

Порфирий помог Глафире Никитичне, которая в изнеможении от перенесённого страха, никак не могла подняться на телегу кибитки. Сам уселся, проговорил:

— С Богом. А мы ведь так хотели видеть в степи людей. Бескрайние степи — удел бродяг, бандитов, всяких беглых. Они тут хозяева. Да и кочевники, как вы сами видели, не шибко-то жалуют нас. О, Господи! Ещё одна орава... Не ушкуйники ли?

На горизонте, в жарком мареве словно по воде плыли опять вершние.

— Да их целая конница, — проговорил Порфирий. — Не знаю, что и подумать.

— С нами архиерей, — проговорила неуверенно Глафира Никитична. — Помоги нам Владыка ещё раз. По твоему зову едем.

— Архиерей, Владыка! Не отдавай нас на растерзание злым людям! — взмолился Порфирий. — Дуня-то как? По-толкай, чтоб кричала что-нибудь невразумительное».

Группа вершных, человек десять, налетела, как грайворон. Окружила кибитку. Шапки у всех всадников, покрытые красным сукном, лихо сдвинуты на бок. Из-под растёгнутых серых кафтанов виднелись красные камзолы и такого же цвета штаны. Порфирий и Глафира Никитична несказанно обрадовались. Подвехавшие оказались служилыми. С ними офицер. Спросил, не встречались ли четверо на дончаках? Глафира Никитична, чтоб показать, что страха у ней и в помине будто бы не было, ответила небрежно, что, дескать,

имели такое «удовольствие».

— А что случилось? — спросила она томно.

— Сегодня ночью в форте Киржи, прямо под носом у нас вырезали семью богатого фортпостовца. Детей куча. Никого не пожалели. Забрали деньги, мешочек с золотом — явно по наводке, и четырёх коней дончаков.

— Страх-то какой, Господи! — не удержалась ужаснуться Глафира Никитична. — На дончаках и повстречались нам. Как змеи-горынычи. Коня-то у них хорошие, догоните ли..? А Киржи-то далеке?

— Верстах в семи, — крикнул офицер, отъезжая.

... Через час въехали в фортпостовское укрепление. Перед домом печальным густо толпился народ. Оттуда доносился скорбный вой. «Может, подъедем посмотрим?» — боязливо промолвила Глафира Никитична. «Упаси Бог глядеть на зарезанных детей!» — хмуро проговорил Порфирий, и она не стала настаивать.

Закупили у жителей форта продукты, и дальше в путь.

...И опять потянулась неоглядная степь. Стадо куропаток, испуганное движущимися повозками, вспорхнуло с обочины и со своим тревожным «Тррр» полетело в сторону от дороги. Любопытные суслики высунули из нор мордашки и подняли над степью тонкие посвисты. Один из них выскочил к самой дороге, устался на лошадей и поплатился: коршун, круживший над самой кибиткой, камнем упал на любопытного и тут же поднялся с живой добычей.

...Если в первые дни путники опасались волков, то после встречи с беглыми каторжанами, были всё время настороже от «двуногих волков». Но на сей раз появились и настоящие волки. Два линявших зверя — шерсть клочьями, стояли недалеко от дороги и, повернув головы, смотрели на проезжавшую кибитку. «Должно быть, самка с самцом,» — сказал Порфирий. «Может, спугнуть выстрелом?» — предложила Глафира Никитична. «Да они вроде не показывают намерения — броситься на нас. Для чего же тратить заряд?» — «Кто может знать о их намерении?» — «Где-то неподалеку у них логово с волчатами. И пока видят, что их выводку ни что не угрожает, не будут рисковать. Волки — звери умные».

Впереди замаячил пешеход. Издали он выглядел весь совершенно чёрным. Временами в его тёмной фигуре что-то ярко взблескивало. «Ещё один беглый», — проговорил Порфирий. «Почему думаешь?» — «Нормальный человек не будет в одиночку блуждать по степи, да ещё пешим. — Порфирий, крестясь, взмолился: — Архиерей, заступник наш Тобольский, Владыка, сохрани ещё раз едущих к тебе. Спаси от злого человека». Пospешила с молитвой и Глафира Никитична. И запели Иисусову молитву.

Странник брёл, опираясь на палку. Приблизившись, сошёл на обочину, и когда передняя кибитка поравнялась с ним, требовательно взмахнул палкой. Странник был не от слова: странствующий, а от слова «странный». Густая, запылённая борода оставляла открытыми лишь одни глаза. Одет в затасканный чёрный архалук с красными патронами на груди и полинялыми галунами по швам. С пояса свешивался открытый полумеч-полукинжал. Он-то и взблескивал. За спиной лук со стрелами. Персидская шапка с малиновым верхом, надвинута на самые брови. И босой. Порфирий остановил Иисусову молитву и дружески спросил:

— Откуда, добрый человек?

— Если даже скажу, всё равно будет неправда. А вот если вы подадите мне хотя бы немного хлеба с солью, не от-

кажусь. Много дней потребляю только одно засаленное пресное мясо. В рот уж не лезет. Подсолить бы во рту.

Глафира Никитична достала из кибитки буханку хлеба, отломала краюху, посыпала в ладонь щепоть соли, протянула бродяге: «Дала бы больше, да самим не хватит. Дорога дальняя».

Он сунул лопот с солью под полу архалука: «Благодарствую», — и пошагал себе дальше. Порфирий окликнул:

— Постой. Ты сказывал, что питался одним засаленным мясом. Что это?

— Суслятина.

— Ты что, её сырую потреблял?.. Ну-ну! Ты это того... В верстах десяти отсюда могут встретиться два волка. Будь осторожен.

— Волки здесь на человека не нападут. Сусликов много, сыты.

Сусликов, действительно, много было в степи. То тут, то там стояли столбиками забавные фигурки со сложенными по бокам лапками.

Во всё время разговора Дуня молчала. И это к лучшему. Её обычные сумбурные выкрики при таком таинственном субъекте навряд ли пошли бы на пользу.

... Прошло ещё несколько дней. Солнце жгло нещадно. В кибитке, что тебе в русской печи — потогонная удушливая жара. Глафира Никитична вытирала у дочери взопревшее лицо, шею, плечи, грудь. Дочь переносила старания сиделки-матери терпеливо, просила пить. Воды оставалось на несколько глотков. Мать мочила ей губы мокрым концом платка. Но это ещё больше распаяло жажду. «Развяжите меня», — проговорила она внятно. «А вдруг у тебя начнётся приступ? Опять кинешься в степь». Дуня смотрела на нее вполне осмысленным взглядом, будто перед матерью лежала прежняя в здравии дочь. В последние дни она нет-нет да и поразит осмысленным взглядом и вполне ясными мыслями, но ненадолго. Умопомрачение, словно опомнившись, с ещё большей силой нападало на неё: тряслась, билась в конвульсиях. «Не могу, дочка, развязать. Терпи покуда».

... Кони еле плелись. Вокруг однообразная степь с хиленькой травенистостью и ни одного деревца. Ничто не предвещало речку или озерка. Пустое ведро, привязанное к задку второй повозки, стучало о ведро с дѣгтем, и звон разносился над степью, словно призывал бродяг обратить внимание, что вот, мол, едет кто-то по степи, и можно пожить хотя бы малым. От таких предположений Порфирий остановил лошадей, снял пустое ведро, сунул к бочке. «А то пугает степную живность» — схитрил он Глафире Никитичне.

... Солнце с каждым днём всё сильнее разгоралось на небе, будто свирепея, парило и пекло нещадно. Порфирий шутил: «Погреетесь, матушка, а то за зиму намёрзлись, небось» — «Бог посылает утешение. Было бы что пить, и совсем бы хорошо», — проговорила она вяло. Казалось,

жара растапливает мозг.

Воды в бочке оставалось на доньшке, да и та отдавала пресным, нагретым деревом. Кони, томимые жаждой, еле плелись. Четвёртый день на пути — ни озерка, ни речушки. Ворона на земляном бугорке, нарыгтым сусликом, сидела, разинув клюв, и жалобно смотрела на сусличью нору. Когда кибитки проезжали мимо, с неохотой поднялась в раскалённый воздух и, взмахивая лениво крыльями, прокаркала на всю округу. Глафира Никитична, провожая взглядом птицу, проговорила тревожно: «Эко, гартанная! Накаркаешь нам новую беду, воровка».

Порфирий отозвался старательно равнодушно: «Суеврие». Ворона будто услышала, что о ней сказали, сразу же опустилась на ближайший чёрный бугорок.

Солнце пошло на закат, а жара всё не унималась. Она так утомила путников, что те потеряли всякую бдительность. И когда вдали показался обоз, они хотя и насторожились, но как-то вяло. Двенадцать телег насчитали в том обозе. Это количество и вовсе их успокоило. Большими обозами разбойники не пользуются, а если бы и попользовались, то не поехали бы основной дорогой. Вместо настороженности у Глафиры Никитичны и Порфирия появилось ощущение близкого разрешения заботы: правильно ли едут? Но оказалось: у обозников та же забота. Когда съехались, старик с передней телеги, на которой было полно всякого люда, остановил подводу и спросил:

— Далече ли до Алтайских каменных руд?

Порфирий тоже остановил лошадей.

— Однако дѣн двадцать или около того едем отсель. А вы, если не секрет, по какой надобности в наши каменные руды?

— Дак мы тово... не сами, значит. Грамота дадена. — Старик обернулся на едущих в обозе и вскинул руку — то ли знак какой подал, то ли предупреждал о чём-то. Люди сидели на возах и неподвижно смотрели в сторону кибитки.

— Кто же вам дал грамоту?

— Сама царица Лисавета изволила повелела: ехать и дознаваться, где в каменных алтайских рудах золото настоящее, а где самоварное.

— Оппа!.. — Порфирий обернулся к своей хозяйке и посмотрел на неё многозначительно. — Ишь ты чего захотели! У нас много охотников и на самоварное золото.

Старик встрепенулся.

— А я не говорю, что медь не нужна.

— Это хорошо, что столько вас-рудознатцев к нам, а то у нас рудознатцами всё больше немецкая нация, — говорил Порфирий, усмехаясь в бороду. Он с первых минут разговора засомневался в искренности встречных, и нисколько не боялся их, видел: «Обнакновенные переселенцы. Токмо для чего им лукавить, говорить неправду?» А что переселенцы, видно по поклажам. На телегах всякая домашняя утварь: кадушки, деревянные вѣдра, шайки, прялки, разобранные красна для домашнего ткачества, ре-

щёта, корыта, сита, сельниды... А из-под громоздкой утвари в каждой телеге обязательно торчала клюка для загребания раскалённых угольев в русской печи, виднелись ухваты, сковородники, деревянные лопаты для вынимки булок с пода печи... Всё сложено аккуратно, перевязано верёвками. Он ясно увидел, что люди собирались в дальнюю дорогу основательно, не торопясь, но и не рудознатцы — ни единого признака столь редкой профессии не увидел он. «Зачем же они прикрываются грамотой? И откуда у них может быть царская грамота?» — размышлял Порфирий. На утвари сидели дети в самотканной одежке — поношенной, но чистенькой. Взрослые — в домотканых рубахах до колен. В лаптях. Онучи уходили под рубахи. В Сибири лапти не носят. Бороды мужики отрастили длиннющие. Весь этот взрослый люд теснился в пустых телегах.

— Вы рудознаетец? — спросил Порфирий старика.

— Рудознаетец мой сын Зинов. Евон тот, — указал старик на сидящего в телеге мужика — борода чуть ли не до пояса. И Зинов в свою очередь деловито поинтересовался у Порфирия:

— И как... золотишко-то у вас помывают, нет ли?

Порфирий не утерпел, высказал ему своё недоверие:

— Золото намывают старатели, а не рудознатцы. Рудознатцев интересуют всё больше какие-нибудь колчеданы. — И посмотрел на Зинона простецки, мол не мудри передо мною-то, мужик.

Зинов правильно понял взгляд Порфирия, однако попытался выкрутиться:

— Что, царя, грамоту, что ли, показать?

Пока они разговаривали, люди спустились с телег, окружили повозку.

— А ну, сын, достань грамоту. Вишь, барин сумлевется, — повелел старик.

— Какой я вам барин? Я работник вот её — Глафиры Никитичны. Ездовой теперя. И она не барыня, а приписанная к заводу крестьянка.

Услышав, что перед ними не бары, Зинов замешкался: стоит ли показывать?

— Убедить надоть, — требовательно проговорил старик.

Зинов вынул из кожаного мешка шкатулку, открыл её и протянул серый лист бумаги с толстой, сургучной печатью. Предупредил, что бумага важная, царская. Порфирий взял, несмело повертел в руках, и хотя он знал грамоту, читать царское послание не решился, передал Глафире Никитичне. Та сразу принялась читать:

— По указу Ея Императорского Величества Тобольской губернской канцелярией и по требованию господина Демидова посылаю из крепости Буравиной рудознаетец Матвей Купцов со помощниками в разные места Кольванского уезду для розыску каменных руд в чём препятствовать ему возбраняется, — прочитала монотонно, как и написано — без знаков препинания. Некоторое время рассматривала документ.

— При Лисавете был Акинфий Демидов. Так его нет в живности давно уж поди... И самой Лисаветы... Царство ей Небесное... — проговорила задумчиво.

— И бумага писана давно. В чём сумление?

— Вы не опасайтесь, люди добрые. Мы с пониманием к старообрядцам, — проговорила доверчивым тоном Глафира Никитична.

Старик с Зиновом переглянулись.

— Особенно он, — кивнула она на своего ездowego. — За верность Богу уважает вашего брата — старообрядца. У

нас в Чумышском бору была вашеньская потаённая деравня. Администрация прознала и дала приказ — послать туда солдат для искоренения расколичества и приписки всех живущих там заводу. Порфирий приехал ночью в бор и сообщил о грозящей беде. В ту же ночь старообрядцы снялись и уехали в неизвестном направлении. Так что неча нас бояться.

Услышав, что никакой опасности нет, дети обозников закончили — просясь остаться тут на ночлег. Устали сидеть в телегах. Взрослые пожелали того же, тем более, что наступал вечер.

— Разрешите и нам переночевать с вами, — попросилась Глафира Никитична.

— Не можно, — проговорил старик в сторону.

В кибитке забормотала Дуня и принялась кричать всякую несурезицу. Присутствующих поразил этот необычный, русалочий крик.

— Что там у вас за диво? — спросил старик. А когда Глафира Никитична пояснила, предложил попеть возле неё молитвы.

Тут же соорганизовались певчие. И потянулись над степью тягучие голоса. Казалось, всё затаилось. В мире властвовало только молитвенное пение. Даже Дуня примолкла и пока пели, не издала ни единого звука. А когда пение стихло, вновь — забормотала невразумительное, иногда вскрикивая, чтоб её развязали.

Необычное состояние девицы привлекло к ней двух сыновей длиннородого Зинона: Ромила — тринадцати лет и Кукшу — четырнадцати. Они нарвали степных цветов и высыпали её на грудь. Она некоторое время смотрела на цветы. Мать пояснила мальчикам, что её дочь большая охотница до цветов. А Дуня, будто что-то вспоминая, попросила развязать ей руки. Глафира Никитична выполнила просьбу. Дуня принялась внимательно перебирать лепестки, о чём-то бормоча.

— Тётьенька, развяжите её совсем, — попросил Ромил.

— Мы уже анадьсь развязывали, так едва поймали.

— Никуда я не убегу, и хватит меня мучить, — совершенно осознанно вдруг проговорила Дуня. Мать удивлённо посмотрела на неё.

— Ладно, поверю, что не опозоришь нас перед людьми, не будешь носиться по степи, как угорелая, — сказала Глафира Никитична и размотала верёвки. К её удивлению, дочь, и в самом деле, не побежала, а принялась с Ромилом и Кукшей собирать за дорогой робкие степные цветики. Бегала с мальчишками, резвилась, будто была их ровесницей. Уморилась, попросила пить. Переселенцы напоили не только её, но и мать с Порфирием. Поднесли вёдра с водой и лошадам.

— Самим, небось, не хватит, — смутился от такой щедрости Порфирий.

— Только что набрали полные бочки, — сказал старик. Звали старика Селафиил.

— Это где ж такая благодать?

— В верстах семи. Тамо речка. Не ахти какая, но водой запастись можно.

Порфирий было взялся за вожжи, чтоб поскорее ехать к воде. Селафиил остановил: «Ладно-ть, оставайтесь на ночлег с нами. Ночь на носу. А у реки топко. Можно увязнуть в темноте. Реку-то переезжать вброд придётся».

Рисунок автора

Продолжение следует

ПРАВОСЛАВНЫЙ КАЛЕНДАРЬ

Краткий обзор православных праздников в апреле (по новому и старому стилю)

Мученицы Дросиды Римской (22 марта/4 апреля)

Мученица Дросида была дочерью нечестивого императора Траяна. Она, вместе с другими девственницами-христианками, тайно ночью подбирала тела мучеников и погребала их. По повелению императора, была схвачена вместе с пятью девами. Увидев святую Дросиду, Траян пришел в ужас и повелел стражам строго охранять ее в забытом помещении, надеясь, что она раскаявшись, исpravится.

Святая Дросида, возжелав мученического венца, сняла с себя знаки своего царского достоинства и тихо вышла из заключения. Идя, она печалилась, что не приняла крещение. Вынув миро, она помазала им все свои члены, а потом вошла в воду ручья, и сама с молитвой крестила себя. После этого она в течение семи дней скрывалась, предавшись строгому посту. На восьмой день, помолвившись, св. мученица Дросида добровольно пошла на мучения и была сожжена в печи.

Святого мученика Василия Мангазейского (23 марта/5 апреля)

Первый прославленный на Сибирской земле святой Василий Мангазейский принял мученическую кончину 23 марта 1600 года.

Блаженный Василий, сын благочестивого купца Феодора, родился в Ярославле. По торговым делам он оказался в сибирском городе Мангазее, где поступил приказчиком к одному богатому купцу. С самых юных лет честность его была очевидна всем. Сердце его было исполнено искренней веры в Бога и любовью к молитве.

По церковное предание, однажды блаженный Василий молился за Пасхальной заутреней, воры разграбили лавку его хозяина. Святого Василия потребовали к ответу. Несмотря на то, что хозяин несколько раз звал его, праведный Василий остался в храме до конца богослужения. Купец, заподозрив его в краже, подверг его пыткам и истязаниям и убил, ударив в висок связкой ключей. Боясь наказания, тело несчастного зарыли без погребения, но через пятьдесят лет над этим местом стали совершаться знамения.

В 1659 году по благословению Тобольского митрополита Симеона было произведено освидетельствование мощей праведного Василия, как истинного угодника Божия. В 1670 году мощи святого Василия были перенесены в Туруханский Троицкий монастырь.

Одну из первых икон святого написал послушник Тобольского митрополита Павла живописец Лука, по случаю своего чудесного избавления от смерти.

Благовещение Пресвятой Богородицы (25 марта/7 апреля)

Преподобномученика Евстратия Печерского (28 марта/10 апреля)

Святой Евстратий родом из Киева. Происходя из богатой семьи, он из любви ко Христу раздал все имение и принял монашеский постриг в Киево-Печерской обители. Св. Евстратий отличался кротостью, смирением и строгим воздержанием.

Во время нападения половцев на Киев в 1096 г. святой был взят в плен и продан вместе с другими христианами в г. Корсунь еврею, который морил их голодом, вынуждая отречься от Христа. Но твердость христиан была непоколебима. Через 14 дней от голода и жажды все пленники умерли, кроме св. Евстратия, который с юности привык к посту. В 1097 г., в празд-

ник Воскресения Христова, преподобный был распят, подвергнут мучениям и убит копьем на кресте. Тело мученика было ввержено в море, где совершались после этого различные чудеса, видя которые многие иудеи уверовали во Христа и крестились. Мощи св. Евстратия почивают в Ближних (Антониевых) пещерах.

Лазарева Суббота (3/16 апреля)

Вход Господень в Иерусалим Вербное воскресенье, неделя Ваий (4/17 апреля)

ПАСХА Светлое Христово Воскресение (11/24 апреля)

Мученицы Фомаиды Александрийской (13/26 апреля)

Мученица Фомаида родом из Александрии. В 15 лет была выдана замуж за рыбака. Она отличалась целомудрием, кротостью и незлобием. Прельстись красотой своей снохи и разжигаясь плотским вождением, свекор Фомаиды стал искать удобного случая для греховного пребывания с ней, но Фомаида по своему целомудрию и не подозревала об его страсти, почитая его как отца. Однажды, когда муж Фомаиды ушел на ловлю рыбы, свекор приступил к святой и стал склонять ее на грех. Напрасно Фомаида увещевала его; старец не внимал ее словам. Он пригрозил Фомаиде мечом, если она не исполнит его желания, на что святая отвечала, что для нее лучше смерть, чем беззаконие. В ярости бесстыдный старец рассек свою сноху надвое. И убиенду тотчас постиг суд Божий: он ослеп и не мог выйти из комнаты.

Погребли св. мученицу по повелению преподобного Даниила Скитского в Октодекадском мужском монастыре. Когда некоторые из братии возмутились повелением положить тело женщины с отцами, преподобный сказал им: «Она мать мне и вам: ведь она умерла за свое целомудрие». Многие, обуреваемые блудной страстью, прибегая с усердной молитвой ко гробу святой мученицы, получали исцеление.

Духовно-просветительская газета

Зарегистрирована Западно-Сибирским управлением Госкомпечати. Регистрационное свидетельство № Г-1453.
Учредитель: Александро-Невский собор города Барнаула, настоятель протоиерей Александр Войтович.

Редактор: протоиерей Сергей Фисун. Верстка: Наталья Мутовкина

Адрес редакции и издателя: 656054, г. Барнаул, ул. А.Петрова, 221. Тел. 40-28-81.

E-mail: vestnik@ab.ru Подписной индекс 73652. Тираж 1500 экз. Сдано в печать 13.04.11. Выход по графику 25.03.11

Отпечатано в типографии "ПринтЭкспресс", г. Барнаул, ул. Кирова, 47. Цена свободная.